УДК 82-31

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-1-52-61

Дина Мухамед Абдо

**Современная женская проза и её особенности в египетской и русской литературах
на примере романа «Бруклин Хайтс» М. ат-Тахави и повести «Сонечка»
Л. Улицкой**

*Университет «Айн-Шамс»; Египет, г. Каир, улица Эль-Халифа Эль-маамун;
tmh2010_3@live.com*

В данной статье представлено сравнительное исследование, которое отражают концепцию взаимосвязи между многонациональными литературами. Нынешнее исследование – первое в российских и арабских литературоведческих исследованиях, вербализует вышеупомянутую концепцию, в которой изложены особенности женской прозы и прослеживается их общности в современной египетской и русской литературах. В статье представлен панорамный взгляд на развитие женской прозы как в современной египетской, так и в русской литературе, а также на творческий литературный путь египетской писательницы Мираль ат-Тахави и русской Людмилы Улицкой. В статье внимание уделяется особенностям женской прозы на примере романа «Бруклин Хайтс» Мираль ат-Тахави и в повести «Сонечка» Людмилы Улицкой, а также выявлению сходных черт между обоими произведениями. Для достижения нашей цели мы опирались на литературный и описательно-аналитический методы.

- Современная египетская и русская женская проза возникла в основном в результате движения за эмансипацию женщин в египетском и русском обществе. Но она достигла значительного развития во второй половине XX века в обеих литературах.

- Мираль ат-Тахави и Людмила Улицкая – замечательные представительницы женской прозы в своей национальной литературе. Творчество каждой из них активно развивалось в течение последних десятилетий.

- Особенности женской прозы ярко выражены в романе «Бруклин Хайтс» и в повести «Сонечка». В этих произведениях затрагивается отмечаем проблематику идентификации, а также, тема женской судьбы материнская, семейная темы.

- Существует значительная близость между двумя названными произведениями, наблюдается сходство элементов отражения в них особенностей женской прозы.

Ключевые слова: *феминизм, биологические изменения, вскармливание, роды, образ мужчины.*

Нет сомнения в том, что сопоставительные исследования имеют важное значение в литературном процессе. Касаясь одного из актуальных вопросов – современной женской прозы, мы полагаем, что есть типологическая близость характеристик этой прозы в египетской и русской литературах. Чтобы доказать правильность нашей точки зрения, мы обсудим роман «Бруклин Хайтс» египетской писательницы М. ат-Тахави и повесть «Сонечка» русской писательницы Л. Улицкой. Такое сопоставление имеет целью показать точки соприкосновения, выявляемые при сравнении особенностей современной женской прозы в каждом из данных произведений. Несмотря на то, что проблематика женской прозы привлекала внимание русских и египетских исследователей, не уделено

должного внимания выявлению сходных черт рассматриваемых прозаических произведений в египетской и русской литературах.

Стоит отметить, что развитие египетской женской прозы связано с деятельностью египетского мыслителя Касыма Амина, идеи и работы которого были направлены на эмансипацию египетской женщины, защиту её прав и освобождение от власти мужчины. Это, в свою очередь, оказало влияние на «опыт некоторых женщин в начале 20 века, в том числе Зайнаб Фауаз, Айши аль-Теймурии, Айши Абдурахман и Худы Шаарави» [1, с. 10]. В своих работах эти писательницы требовали улучшения социального положения женщины в обществе, подтверждения её права на образование и ликвидации всех форм дискриминации и насилия. Данные вопросы нашли отражение в статьях писательницы Малак Хефни Насеф. В 1910 г. она собрала все свои статьи, посвященные женщине в двухтомнике под названием «Феминизм».

Во второй половине XX века заметно развивалась египетская женская проза, особенно после революции 23 июля 1952 года, в результате которой женщины сумели получить свои социальные и политические права. В это время стали известны некоторые имена писательниц-женщин, творчество которых, в свою очередь, сыграло важную роль в борьбе за эмансипацию.

Критик Абдель-рахман Абу Уф разделит новую египетскую женскую прозу на три поколения [2, с. 20]. Первое поколение – это представительницы женской прозы 60–70-х годов, которые свои мечты связывали с достижениями революции 1952 года, обещаниями Насера и борьбой женщин за получение полных прав. К этому поколению относятся такие писательницы, как Латива аз-Аиат, Наваль ас-Саадави, Сальва Бакр и др.

Второе поколение – это писательницы 80–90-х годов, обратившиеся к обычным вопросам эмансипации женщины. Героини их произведений переживают, страдают, живут в постоянном страхе, беспокойстве о своем будущем, столкновении с существующими традициями; поднимается вопрос об отстаивании женщиной своих прав. К этому поколению относятся Амина Зейдан, Сахар аль-Моги, Мейй ат-Тлемсани, Афаф а-Саид и Мираль ат-Тахави.

Современные писательницы, творчество которых начала развиваться с наступлением XXI века продолжают путь своих предшественниц, призывают к протесту против всего, что сковывает женщину. Однако, как указал И. Древетняк, они открывают для себя новые литературные горизонты, в частности обращаются к жанру исторического романа [3, с. 132].

Русская женская проза является основной частью русской литературы со собственными ей, темами и проблемами. Обращая внимание на источники её возникновения, А. Шабанова пишет: «Если смотреть на предпосылки возникновения женской прозы, то следует обратиться к репрезентации образа женщины в текстах XIX и XX веков – времени рассвета русской словесности» [4, с. 374]. Работы авторов-женщин были неизвестными, остались не замеченными критиками, которые смотрели на них как на «второстепенных» художников.

В конце XIX – начале XX веков творчество А. Ахматовой и М. Цветаевой явилось важной вехой в развитии женского самосознания. Однако они называли себя поэтами, а не поэтессами, потому что, как отметила Шабанова, «они предпочли дистанцироваться от второстепенного маргинального творчества женских авторов XIX века» [4, с. 375].

В советский период женщина играла важную роль в обществе, участвовала в войнах и вообще во всех сферах жизни, в это же время набирает силу движение за эманси-

пацию и в защиту прав женщин, но ещё не существовала так называемая женская проза.

Следует сказать, что современная женская проза в русской литературе развивалась в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века в результате проявления женского коллективного сознания, возникновения некоторых женских клубов и обществ, искавших возможности добиться полных прав женщин и улучшения их положения. Среди них назовём клубы «Преображение», «Сестры», общество «Новые Амазонки», которое было основано в 1986 году, приоритетной целью которого стала женская проблематика и способы её выражения, прежде всего в области литературного творчества. В результате этого выделилась группа писательниц, повествующая о женской судьбе. Художницы представили свой женский опыт в некоторых произведениях. Среди них – «Женская логика» (1989), «Мария» (1990), «Новые амазонки» (1991), «Чего хочет женщина» (1993). В них звучат разные темы, проявляются разные художественные манеры. «Однако взятые вместе, они дополняли друг друга, образуя логически законченные сюжет и композицию самостоятельного литературно-эстетического направления» [5, с. 38]. В такие сборники вошли произведения представительниц современной русской женской прозы – Б. Ахмадулиной, Л. Ванеевой, В. Нарбиковой, Н. Садур, С. Василенко, М. Палей, Т. Бек, Л. Петрушевской, Т. Толстой, В. Токаревой.

Стоит отметить тот факт, что критики и литературоведы отзывались о женской прозе по-разному. Борьба шла за признание и, наоборот, за отрицание её существования. Среди скептиков, которые сомневались в достоинстве женской литературы, И. Слюсарева. Она считает, что «если женщина пишет хорошую прозу, то это значит, что это хорошая, а не женская проза» [6, с. 239]. А П. Басинский пишет, что «женская проза – неуверенная. Такая неуверенность видна в споре о ее статусе достойной литературной категории» [7, с. 10]. Однако по мнению Е. Трофимовой, «факт такой полемики сам по себе свидетельствует о том, что она возникла не на пустом месте, более того, в издательской области они обнаруживают явления, подтверждающие правомерность выделения произведений, созданных писательницами, в особую группу» [8, с. 147].

В своей статье А. Коробейникова подчёркивает, что сама Трофимова выступает против деления литературы по признаку принадлежности к тому или иному полу, утверждая, что «наличествует лишь хорошая и плохая литература, которая не делится по признаку пола и не бывает ни мужской, ни женской» [9, с. 28–29]. Но, с другой стороны, указывая на позицию сторонников, Ж. Кубенова отмечает, что во введении к сборнику «Не помнящая зла» приводится мнение его составителей, согласно которому «женская проза есть. Она существует не как прихоть... Она существует как неизбежность, продиктованная временем и пространством... Женская проза есть – поскольку есть мир женщины, отличный от мира мужчины» [5, с. 39]. Авторы сборника подчёркивают, что у женщины своя роль, своя судьба, что требует наличия у неё определенного статуса в литературе. Поэтому М. Арбатова выступает против мужской монополии литературного опыта, утверждая, что «литература и искусство в фаллоκραтическом мире строго подчинены законам мужской цензуры внутри культурного пространства, построенного по мужским законам» [10, с. 26]. И. Савкина заявляет, что «женская литература существует уже не как собрание отдельных текстов, написанных биологическими женщинами, а как культурный феномен, проявления гендерно мотивированного женского коллективного сознания» [11, с. 86].

Мираль ат-Тахави и Людмила Улицкая – яркие представительницы женской прозы. Каждая из них в своих национальных литературах оставила заметный след в становлении этого художественного феномена.

Мираль ат-Тахави родилась в 1968 году в бедуинской семье в египетской губернии аш-Шаркия. После гимназии она поступила на филологический факультет университета Закавик. В 1994 году переехала в Каир, продолжала свой академический путь, получила магистерскую степень, а затем докторскую по арабской литературе. Через год после переезда в Каир был опубликован её первый сборник рассказов, а в 1996 году – её первый роман «Шатёр», который принёс ей известность. В нем звучит протест против положения женщины в замкнутом бедуинском обществе. В 1998 году Мираль опубликовала роман «Синий баклажан», а в 2002 году роман – «Следы газели». В них изображена жизнь арабских соплеменников. Романы были переведены на ряд иностранных языков, в том числе на английский, французский и итальянский. В 2007 году ат-Тахави уехала в США. Там она жила в районе Бруклина. Собственный опыт и наблюдение над жизнью иммигрантов, живущих в Бруклине, дают писательнице богатый материал для создания романа «Бруклин Хайтс» в 2010 г. Произведение получило высокую оценку критиков и читателей, премию Нагиба Махфуза в 2010 году и оказался в шорт-листе арабского Букера. Роман носит английское название в арабской транскрипции, без перевода. Это название возвышенной части Бруклина, где находится, как утверждают гиды, «одно из самых романтических мест» в Нью-Йорке» [12, с. 142].

Людмила Улицкая – яркая представительница русской женской прозы, родилась в Башкирии в 1943 году. Поступила на биологический факультет Московского университета. Была замужем три раза. Со своим вторым мужем Улицкая прожила 10 лет, плодом этого брака были два сына. Постепенно супруги стали чужими и развелись. После развода у Людмилы началась писательская карьера. Она писала сценарии для радио, телевизионных программ, пьесы для детских и кукольных театров, а также сценарии для фильмов «Сестрички Либерти» (1990 г.) и «Женщина для всех» (1991 г.). В конце 80-х годов прошлого века вышел её первый сборник «Бедные родственники», в котором она сделала акцент на том, что необходимо нести ответственность за бедных людей, особенно за близких и знакомых. А в 90-е годы вышли её произведения «Медея и ее дети», «Сонечка», «Зверь» и «Веселые похороны». В 2001 году Улицкая стала Лауреатом премии «Русский Букер» за роман «Казус Кукоцкого». В 2007 году ей за роман «Даниэль Штайн, переводчик» была присуждена премия «Большая книга». В 2010 году вышел роман «Зелёный шатёр», в котором проводится мысль, что «миру глубоких сложных чувствований и личностных переживаний противостоит мир примитивный и бездарный» [13, с. 92]. Произведения Улицкой переведены на многие языки мира, в том числе на арабский. По мнению М. Поповой, «центральными для Л. Улицкой становятся проблемы жизни и смерти, предназначение человека. Они лейтмотивом проходят через все ее творчество» [14, с. 41]. Повесть «Сонечка» опубликована в журнале «Новый мир» в 1992 году, вошла в список финалистов Букеровской премии в 1993 г. В 1994 г. была удостоена французской премии Медичи как лучшая переводная книга года, а, в 1998 году была отмечена итальянской премией имени Джузеппе Аццарби.

Говоря об особенностях современной женской прозы например творчества М. ат-Тахави и Л. Улицкой, остановимся на романе «Бруклин Хайтс» и повести «Сонечка», чтобы выявить сходные черты, имеющие место в обоих произведениях.

Проблема идентификации является основной характеристикой женской прозы. Автор в основном – это женщина, которая выступает в качестве говорящего субъекта и «производителя» художественной работы. Читатель воспринимает темы, события, во-

площаемые идеи с женской точки зрения. Размышляя о проблеме идентификации, Т. Ровенская отмечает, что «идентифицируя себя с женской прозой как воплощением фемининной идеи, авторы в то же время испытывают всю меру отчуждения от нее и не только под воздействием внешних регулирующих сил, но и потому, что в целом сами бессознательно являются носителями и выразителями все той же патриархальной культурно-лингвистической традиции» [15]. Женщина, как правило, представляет собой главную фигуру в женской художественной прозе: события происходят вокруг неё, а судьба героини – как правило, основной лейтмотив всего произведения. В своей книге «Чтение женского текста» египетский критик Мухаммед Абдулмуталиб указал на то, что одна из основных особенностей женской прозы – «это склонность к женскому полу, то есть повествование обязательно ведётся от лица производительницы работы или от лица героини-рассказчицы. Число женских персонажей очень большое по сравнению с числом мужских» [16, с. 77–78]. В них женщина всегда – центральный образ, а мужчины – второстепенный.

«Бруклин Хайтс» – роман о судьбе женщины. Главная героиня – египтянка Хинд, мать, разведенная женщина сорока лет, учительница арабского языка. Она уехала в Америку после развода с мужем, который ей изменил, бросил и исчез из ее жизни. Хинд удалось снять там однокомнатную квартирку, её единственный сын получил возможность обучаться в начальной школе. Каждый день она ходит по Бруклину в поисках работы, знакомится с иммигрантами: среди них россиянка, афганец, китаец, сомалийка, палестинец, курд и один американец. Хинд живёт среди них, слушает их рассказы о себе и делится с ними своими воспоминаниями. В эмиграции ей очень тяжело: она не любит говорить на английском языке, с трудом общается с людьми, скована отчаянием, страхом смерти, тревогой за судьбу сына.

В свою очередь, «Сонечка» Л. Улицкой – повесть о женской судьбе. Главная героиня жадно читает с детства, поступает в библиотечный техникум, работает в книгохранилище. Потом на замену книгам появляются муж, дочь, дом, которым она отдает всю жизнь. После долгих лет счастливой семейной жизни муж изменяет ей, оставляет её и живёт с молодой любовницей, однако Сонечка прощает его и сохраняет священные узы семьи. В финале повести чтение вновь занимает свое место в жизни героини, заменяя ей угасающую супружескую жизнь.

Описание женского тела тесно связано с темой женской судьбы и считается одной из главных характеристик исследуемой прозы. В этой связи Вагих Яакуб утверждает, что в произведениях писательниц описание тела женщины занимает центральное место в повествовании и выполняет разные функции в отображении мыслей, критических ситуаций и используется в качестве художественного символа [19, с. 36]. Образ тела играет важную роль в формировании душевного состояния героинь, так как обе героини – Хинд и Сонечка – внешне не красавицы.

Хинд кажется себе старой, толстой, некрасивой, *«передние верхние зубы у неё выступают вперед и не контактируют с нижними»; «нос длинный с горбинкой»* [18, с. 18]. Л. Улицкая так описывает свою героиню: *«долговязая, широкоплечая, с сухими ногами и отсиделым тощим задом, имела лишь одну статъ – большую бабью грудь, рано отросшую да как-то не к месту приставленную к худому телу»* [19]. К сожалению, родные и близкие не понимают героинь. Дразнят их. Мать Хинд прямо говорит ей, что она *некрасивая и плохая хозяйка, не может смотреть за домом, и никто никогда на ней не женится*. Ефрем, старший брат Сонечки, постоянно повторяет одну и ту же шутку: *«От бесконечного чтения у Сонечки зад принял форму стула, а нос – форму груши»*.

Тело женщины в произведениях – средство для соблазнения и сексуального притяжения. В «Бруклин Хайтс», например, верующий учитель рисования, поддавшись красоте статного белого полного тела её одноклассницы Зубой, нарушает нормы восточного общества, бежит с ней и вступает в сексуальные отношения. В «Сонечке» Роберт Викторович также поддавшись красоте молодой гимназистки Яси, изменил своей верной жене Соне, причинив ей сильную боль. Тело женщины по своей природе подвергается различным биологическим изменениям, особенно во время беременности, после родов и в период вскармливания: обвисает живот, увеличивается вес и искажаются некоторые участки тела. Сказываются эти изменения и на психике женщины. Писательницы с мастерством смогли детально изобразить такие изменения, характерные для женского пола. Мираль описывает тело своей героини, рассказывая, что *«привлекли её внимание шрамы на теле, дряблость кожи вокруг живота, расслабление мышц от беременности, родов и кормления грудью, из которой до сих пор подтекает молоко без причины»*. Говоря о вскармливании грудью младенца, Улицкая пишет о том, как Соня *«растегивала кофту, вытягивала отвердевшую к утру грудь, дважды нажимала на сосок, и две длинные струи падали в цветастую тряпочку, которой она обтирала сосок. Девочка начинала ворочаться, собирать губы в комочек, чмокать и ловила сосок, как маленькая рыбка большую наживу»*.

Безусловно, с предыдущими биологическими изменениями и процессами связана тема материнства, которая является главной в «женской прозе». И. Савкина указывает на то, что «тема материнства предстает в женской прозе и еще в одном специфическом аспекте – в изображении самого процесса родов и вынашивания ребенка. Причем писательницы щедро, даже с некоторым вызовом перечисляют физиологические подробности: «измерения температуры, давления, раздутые огромные животы, живущие, кажется, собственной жизнью» [20, с. 399].

Следует отметить, что во многих случаях материнство не приносит матери счастья, а наоборот, доставляет беспокойство, дискомфорт и вызывает постоянную тревогу за судьбу детей. В работах ат-Тахави и Улицкой обе героини – матери, они выполняют трудную и ответственную миссию – воспитание своих детей. Хинд боится смерти, чтобы не оставить сына одного на чужбине, она также боится его общения со старшими коллегами, соседями, чужими, *«каждую ночь предупреждает его»*. А Сонечку Улицкой тревожит то, что её единственная дочь Таня теряет интерес к учебе. *«Она не учится... ничего не делает... в школе ее ругают. Образование нужно»*, – жалуется Соня мужу.

Семейная тема в современной женской прозе возникает довольно часто. Авторы пишут о распаде семьи, показывая причины её разрушения, связанные в основном с мужем, который изменяет жене или покидает семью. Писательницы также пишут о постоянном стремлении женщины сохранить семейные узы, сделать связь между членами семьи крепкой и устойчивой. Дом, кухня, комнаты, мебель воспринимаются как пространство семьи. Хозяйственная деятельность тесно связана с этим пространством. Здесь готовят блюда, очищают одежду, убирают в жилище, приводят в порядок предметы быта и др. Женщина берет на себя все хлопоты, обязанности, заботы, тяжести быта во имя великой цели – блага семьи и её счастья. Она прилагает большие усилия, жертвует собственным благополучием, здоровьем, своими интересами, карьерой, иногда и всей жизнью.

В романе «Бруклин Хайтс» также затронута семейная тема. Писательница бегло описала супружескую жизнь Хинд, концентрируя повествование вокруг существования героини в иммиграции и её воспоминаний о прошлом. В Америке она испытывает на

себе все тяжести быта, работает уборщицей в ресторане Данкин Донатс, вычищает унитазы, чтобы обеспечить сыну пропитание. Там она вспоминает покойную мать, исхудавшую и уставшую от выполнения непомерных домашних обязанностей, повторной беременности и родов. *«Лицо у неё стало измученным, как будто она вернулась из трудной поездки».*

В своей статье В. Алексютина подчёркивает, что «в прозе Л. Улицкой тема семьи является доминирующей» [21, с. 114]. О. Осьмухина тоже пишет, что «центром художественного мира Улицкой является семья» [22, с. 144]. В повести Улицкой мы видим, что на плечи Сонечки легли все бытовые тяготы, голод, холод, безденежье, бедность, в которых семья вынуждена была жить в послевоенные годы. Но она терпеливо и мужественно преодолела все трудности, мечтала о благе семьи и её счастье: *«Ей страстно хотелось нормального человеческого дома, с водопроводным краном на кухне, с отдельной комнатой для дочери, с мастерской для мужа».* Во имя этой великой цели она трудилась на двух работах, строчила ночами на машинке и копила деньги втайне от мужа. Все это негативно сказалось на Соне, которая *«быстро и некрасиво старилась: нежный пушок над верхней губой превращался в неопрятную бесполоую порось, веки ползли вниз, придавая лицу собачье выражение».*

В женской прозе рисуется отрицательный образ мужчины. Его образ чаще всего ущербен и обладает кратно более низким статусом в сравнении со статусом женщины. В женской прозе зачастую создается негативный мужской образ эгоист, изменник, думает только о себе, ставит свои интересы выше интересов других, даже жены и детей, в противовес альтруизму женщины, которая приносит в жертву личные выгоды во имя блага членов семьи. Это вызывает у женщины стремление быть независимой от мужчины. Многие из них уходят в огромное пространство мира, которое прежде ограничивалось стенами спальни, кухни и детской комнаты. Они становятся более самостоятельными. Ощущение несправедливости и гнёт со стороны мужчин привело к отсутствию любви, у женщины. Рассматривая образ мужчины в контексте отсутствия любви В. Харчев считает, что мужчина в интерпретации писательниц «выглядит непривлекательно. Вереницею идут мелкотравчатые самцы, записные алкоголики, ничтожества и трусы, эгоисты и подлецы. Любить вроде бы и некого. Мужчина в женской прозе играет роль декорации, на которую приходится обращать внимание поневоле, чтобы убедиться, что она здесь, на месте» [23, с. 157].

Арабские художники слова обнажили все формы физического, сексуального и психологического насилия мужчины над женщиной, делая акцент на том, что для мужчины насилие и унижение – единственное средство лишения женщины свободы и подчинения своей власти. Побои, изнасилование, женское обрезание, игнорирование потребностей, равнодушие, презрение, жестокое отношение, многоженство, обман, измена, развод и произвольное расторжение брака представляют собой разные виды физического, полового и психологического насилия над женщиной, особенно восточной. В своей докторской диссертации Мухаммед Сафури отмечает, что из-за выражают в творчестве сквозит арабских писательниц отвращение к мужчинам, нежелание поддерживать с ними отношения. Они видят в мужчинах источник зла и разрушения [24, с. 109].

В романе «Бруклин Хайтс» изображаются негативные мужские образы. Они воплощены в образах отца Хинд, её мужа и учителя рисования, её первой любви. Отец пристрастился к пиву, регулярно посылал за ним дочь в лавку дядюшки Махмуда, не обращал никакого внимания на упреки старшего сына, который считал в питье пива нарушением предписаний ислама. Хотя отец окончил юридический факультет, но ни-

когда не работал, проводил время в компании друзей. Бытовые условия ухудшались, семья беднела. *«Мать беспокойно наблюдает за положением крыши, жалкими покрывами и одеждой, которые она вынуждена перешивать, чтобы подходить для детей, которые быстро растут»*. Муж Хинд – изменник, вероломен, вступает в греховную незаконную связь с чужими женщинами. Доказательством тому являются: сообщения, отправленные на его мобильный телефон, переписка с любовницами и многое другое. Внезапно он покидает дом, расстается с Хинд и исчезает из её жизни. Она считает мужа *наглецом и подлецом*. Учитель рисования, в которого влюбилась Хинд во время учебы в гимназии, бежит с распутной Зубой.

Отрицательные мужские образы доминируют в повести «Сонечка». Они связываются с образом парня Витьки Старостина, миловидного одноклассника, в которого Сонечка влюбилась в ранней юности. Её невинная и возвышенная любовь закончилась ужасно и трагично: Витька назначил своей поклоннице свидание *«в боковой аллее скверика и небожно, но убийственно оскорбительно шлепнул ее два раза под одобрительный гогот четырех засевших в кустах одноклассников»*. Вследствие этого происшествия Соня заболела и огонь любви покинул ее.

Главный мужской образ в «Сонечке» – образ Роберта Викторовича, мужа героини, который был женолобом. И часто изменял жене. Высоко оценивая семейное счастье, Сонечка, жертвуя всем, всю свою жизнь преданна мужу, посвящает себя воспитанию дочери, служению семье, обустройству быта и преодолению его наибольшей тяжести, а взамен получает жестокий удар – это измена мужа с подругой дочери, её сверстницей. Женщина-жертва не имеет четких представлений, как должна относиться к измене, она не уделяет внимания своим потребностям и своим чувствам. Соня спокойно и терпеливо принимает измену мужа, ищет ему оправдания. Она думает: *«Как это справедливо, что рядом с ним будет эта молодая красotka, нежная и тонкая, ... и как мудро устроила жизнь, что привела ему под старость такое чудо, которое заставило его снова обернуться к тому, что в нём есть самое главное, к его художеству»*.

Хотя Соня и была согласна поделить жизнь с мужем и его любовницей, все же он покинул её и уехал с Ясей. Сонечка становится одинокой, возвращается к своему старому миру, к чтению. Но когда муж умирает позорной смертью, она хоронит его, устраивает вернисаж, обеспечивший покойному супругу посмертную мировую славу. *«Картины Роберта Викторовича разошлись по миру. На аукционах современного искусства каждая вновь появляющаяся приводит коллекционеров в предынфарктное состояние»*. По мнению Л. Соловьева, «Сонечка – поистине великая женщина, сумевшая простить мужу измену и сохранить священные узы семьи» [25]. Она даже умершему супругу сохранила верность на всю оставшуюся свою жизнь.

Обобщая сказанное, приходим к следующим выводам:

- Современная египетская и русская женская проза возникла в основном в результате движения за эмансипацию женщин в египетском и русском обществе. Но она в обеих литературах достигла большого развития во второй половине 20-го века.
- Мираль ат-Тахави и Людмила Улицкая – замечательные представительницы женской прозы в своей национальной литературе. Творчество каждой из них активно развивалось в течение последних десятилетий.
- Особенности женской прозы ярко выражены в романе «Бруклин Хайтс» и в повести «Сонечка». В них затрагиваются проблема идентификации, а также, материнская, семейная темы, даются описания женского тела, рисуется негативный образ мужчины.

- Существует значительная близость между двумя произведениями, наблюдается сходство элементов отражения в них особенностей женской прозы.

Литература

1. وجيه يعقوب اسماعيل. خصوصية السرد النسوي. القاهرة، مجلة فيلولوجي، العدد 59، يناير 2013، ص 2 – 54.
2. عبد الرحمن أبو عوف. قراءة في الكتابات الأنثوية. القاهرة، دار نشر (الهيئة المصرية العامة للكتاب)، 2001.
3. Древетняк Е.В. Египетская проза XX века как отражение процесса эмансипации арабской женщины // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия Филология. Социальные коммуникации. – 2012. – Т. 25, № 2 (64). – С. 128–133.
4. Шабанова А.М. Феномен «женской прозы» в русской литературе... // Вектор науки ТГУ. – 2013 – № 2 (24) – С. 374–376.
5. Кубенова Ж. Осмысление критикой феномена современная русская женская проза конца XX века // Новая русистика. – 2011. – № 1. – С. 37–49.
6. Слюсарева И. Оправдание житейского: Ирина Слюсарева представляет «новую женскую прозу» // Знамя. – 1991. – № 11. – С. 238–240.
7. Басинский П. Позабывшие добро? Заметки на полях «новой женской прозы» // Литературная газета. – 1991. – № 7. – С. 10.
8. Трофимова Е. Женская литература и книгоиздание в современной России // Общественные науки и современность. – 1998 – № 5 – С. 147–156.
9. Коробейникова А. Женская литература как явление отечественной литературы // Вестник ОГУ. – 2008. – № 11. – С. 27–30.
10. Арбатова М. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение. – 1995. – № 3. – С. 26.
11. Савкина И.А. Зеркало треснуло (современная литературная критика и женская литература) // Гендерные исследования. – 2003. – № 9. – С. 84–106.
12. Суворов М.Н. «Современная литература Ближнего и Среднего Востока»: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/6540/4/Suvorov%20M.N.%20Sovremennaya%20literatura%20Bliznego%20i%20Srednego%20Vostoka.pdf>.
13. Хаванская А.М. Особенности поэтики имени в романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр» // Культурная жизнь Юга России. – 2013. – № 2 (49). – С. 91–92.
14. Попова М. и др. Современная русская литература. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2008.
15. Ровенская Т. Феномен женщины говорящей. Проблема идентификации женской прозы 80–90-х годов // Женщина и культура. – 2000. – № 17.
16. محمد عبد المطلب. قراءة السرد النسوي. القاهرة، دار نشر (الهيئة المصرية العامة للكتاب)، 2014.
17. وجيه يعقوب اسماعيل، مرجع سبق الإشارة إليه، ص 36.
18. ميرال الطحاوي. بروكلين هابتس. بيروت، دار نشر (دار الأداب)، 2010.
19. Улицкая Л. «Сонечка». – М.: АСТ, 1995. <http://www-5cd4bw3f5j.booksreader.org/books/ulickaya-lyudmila/sonechka#download-lnk>.
20. Савкина И. Да, женская душа должна в тени светиться... // «Жена, которая умела летать»: проза русских и финских писательниц. – Петрозаводск, 1993.
21. Алексютина В.А. Мотивные комплексы, воплощающие тему семьи в рассказах Л. Улицкой // Вестник КемГУ. – 2014. – Т. 2, № 1 (57). – С. 114–117.

22. *Осьмухина О.В.* В поисках утраченной толерантности: Людмила Улицкая // Вопросы литературы. – 2011. – № 1. – С. 144–158.
23. *Харчев В.* Вера, надежда...? // Север. – 1992. – № 8. – С. 157.
24. محمد قاسم صفوري. أطروحة دكتوراة (شعرية السرد النسوي العربي الحديث). حيفا، كلية العلوم الإنسانية، قسم اللغة العربية وآدابها، جامعة حيفا، 2008
25. *Соловьева Л.В.* Русская проза рубежа тысячелетий: учебное пособие. – Елабуга: Издательство ЕГПУ, 2006.

Поступила в редакцию 26 января 2018 г.

UDC 82-31

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-1-52-61

**Modern Egyptian and Russian women's fiction and its features:
M. at-Tahawi's «Brooklyn Heights» and L. Ulitskaya's «Sonechka» case study**

Dina Mukhamed Abdo

Ain-Shams University; Egypt, Cairo, El Khalifa El maamoun St; mmh2010_3@live.com

The comparative studies effectively reflect the concepts of intersectionality and interconnectedness among multinational literatures. The current study, unprecedented in Russian or in Arabic literary studies, verbalizes the aforementioned concepts, presents a comparative analysis to pinpoint the features of women's prose, and traces its commonalities in modern Egyptian and Russian literatures. The article introduces a panoramic view for the evolvement of women's prose in both modern Egyptian and Russian literatures, and the creative literary paths of the Egyptian writer Miral At-Tahawi and the Russian writer Lyudmila Ulitskaya. It specifically focuses on the features of women's prose in Miral At-Tahawi's Brooklyn Heights and Lyudmila Ulitskaya's Sonechka and the similar narrativity between both works to crystalize the uniqueness of women's prose, in general, and its uniqueness in Brooklyn Heights and Sonechka, in particular. To achieve our goal, we rely on the literary and descriptive– analytical methods that correspond to the research task, rely on Arabic and Russian sources. In conclusion we sum up the following results:

Modern Egyptian and Russian women's fiction emerged mainly as a result of the movement for the emancipation of women in Egyptian and Russian society. But it reached a great development in the second half of the 20th century in both literatures. Miral at-Tahawi and Lyudmila Ulitskaya are some of the most remarkable women's fiction writers in their national literature. Their creativity has vividly developed during the last decades. The features of women's fiction are brightly embodied in the novel "Brooklyn Heights" and in the novel "Sonechka". Among them we note the problems of identification, bodily, maternal, family and masculine themes. There is a much greater affinity between two works, there is a similarity in the elements of the reflection of the features of women's prose in them.

Keywords: feminism, biological changes, feeding, childbirth, the image of a man.

Received 26 January, 2018